Ир63.5
Э 91

МИНИСТЕРСТВО ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ
ОРЕНБУРГСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КУРУЛТАЙ БАШКИР «КАРАВАН-САРАЙ»
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ «КУРУЛТАЙ БАШКИР Г. ОРЕНБУРГА»

Этническая история и духовная культура башкир Оренбуржья

(к 160-летию основания Караван-Сарая)

материалы межрегиональной научно-практической конференции

Ор 63.5
391

МИНИСТЕРСТВО ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

ОРЕНБУРГСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КУРУЛТАЙ БАШКИР «КАРАВАН-САРАЙ»

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ «КУРУЛТАЙ БАШКИР г. ОРЕНБУРГА»

Ор 63.5

63.521(=632.2)(2Вос-40Ре)

+Ор66.5

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БАШКИР ОРЕНБУРЖЬЯ

(к 160-летию основания Караван-Сарая)

материалы межрегиональной научно-практической конференции

16Ч-29563б

ОРЕНБУРГ – 2007

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н.К.КРУПСКОЙ"

ществлялось не только в форме насильственного принуждения, но и путем вольного найма с выплатой зарплаты, хотя бы и мизерной, но остававшейся привлекательной для части населения, знавшего до этого практически только меновое хозяйство.

Примечания

[1] Шпицер, С.М. Из прошлого башкирского народа. Уфа, 1929. С. 2.
[2] Рычков, П.И. Топография Оренбургская. Оренбург, 1887. С. 396–398; Флоринский, В.М. Башкирия и башкиры: путевые заметки // Вестник Европы. 1876. Т. 6.
[3] Порталь, Р. Индустриализация Южного Урала (1745–1762 гг.) // Ватандаш (Соотечественник). 2002. № 9. С. 179.
[4] История Урала. В 2-х томах. Пермь, 1976. Т. 1. С. 92.
[5] Витиевский, В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897. Т. 4. С.646; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 1–5. М.; Л., 1949–1960. Т. 4. С. 70–71.
[6] Кулбахтин, Н.М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане в XVIII в. Уфа, 2000. С. 83.
[7] Пятков, В.В. XVIII в. История Южного Урала. Торговля и предпринимательство. Челябинск, 1984. С. 8.
[8] Юхт, А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 193.

А.С. Акъюлов

В.А. ПЕРОВСКИЙ И ЕГО ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ БАШКИР

В.А. Перовский оставил яркий след в истории башкирского народа. Являясь военным губернатором (1833–1842) и генерал-губернатором (1851–1857) Оренбургского края, он сделал много полезного для региона и тем самым поставил свое имя наряду с выдающимися государственными деятелями России XIX в. Сразу же хочется отметить, что он был инициатором строительства Караван-Сарая, и башкиры охотно поддержали его предложение.

В работах многих исследователей, в частности Л.И. Футорянского, В.Г. Семенова и В.П. Семеновой, отмечается значительное улучшение жизни башкир при Перовском. В то же время в устном народном творчестве башкир, а именно, в исторических былинах народа, Перовский представлен, как писал об этом Ф.Д. Нефедов, «героем народного трепета и ужаса», т.е. сугубо жестоким человеком. Здесь же говорится, что он изобрел телеграф из живых людей (башкир) для поддержания оперативной связи из летней «кочевки» с Оренбургом.

Все-таки какой же след оставил Перовский в истории башкир? Для ответа на этот нелегкий вопрос мы должны обратиться к тем мероприятиям губернатора, которые касались непосредственно башкир.

До 1834 г. одной из обязанностей башкир, мишарей было содержание почт на таможней линии. Они исправляли эту повинность натурою, и поэтому оно падало на волости неодинаково. Для отдаленных волостей кантонов эта обязанность была крайне тяжелой.

Уже в первый год своего губернаторства В.А. Перовский представил в Петербург доклад по этому вопросу. 2 апреля 1834 г. по именному, данному Сенатом, указу башкиры и мишари были освобождены от исправления почтовой гоньбы натурою. Эта повинность было заменена денежным с них сбором в сумме восьмидесяти копеек с ревизской души в год. Чиновники, кантонные начальники, юртовые старшины и их помощники, указное духовенство освобождались от этой повинности. Жителей 1-го кантона, которые несли этапную службу на Сибирском тракте, этот указ не касался[1].

По именному, данному военным министром, указу от 30 января 1837 г. «О дозволении Оренбургскому военному губернатору употреблять остатки 80-копеечного сбора с башкир и мещеряков на благоустройство кантонов сего народа» военному губернатору разрешалось «употреблять остатки суммы 80-копеечного сбора с башкир и мещеряков на благоустройство кантонов сего народа[2].

Губернатору давалось также право по этому указу не предоставлять годовую смету расходов, т.е. отчет. Это, конечно, открывало дорогу злоупотреблениям губернатора башкирскими финансами.

Забота о благосостоянии башкир и мещеряков проявилась в именном указе «О возложении на стряпчих ходатайствовать за башкирцев и мещеряков по делам их»[3]. В своем представлении В.А. Перовский писал, что по незнанию правил судопроизводства и недобросовестности избираемых частных поверенных они, башкиры, часто теряют собственность[4]. Кроме введения института стряпчих, в этом указе для защиты прав башкир и мещеряков предусматривалось в случае отчуждения уездным судом общественной собственности передавать дело в Гражданскую палату, решения которой вносятся к военному губернатору, и при его несогласии с решением дело передать в сенат.

Однако введение института стряпчих не улучшило положения: число тяжебных дел не уменьшилось, земельные споры не прекращались. Стряпчие зачастую сами злоупотребляли своим служебным положением и требовали у вотчинников взятки за продвижение дел.

Такие злоупотребления стряпчих были известны Перовскому. Он всеми средствами боролся с этим явлением, увольнял таких стряпчих, отдавал их дела в суд как уголовные. Например, Правительствующий Сенат по межевому департаменту указом от 16 ноября 1838 г. представил на рассмотрение оренбургского военного губернатора «неправильные» действия стряпчего по Башкирским и Мещерякским делам титулярного советника Попова[5].

Стряпчий по башкирским и мещерякским делам, титулярный советник Попов, выслушав в Елабужском земском суде решение межевой канцелярии по делу об отчужденной из владения башкир II кантона Байлярской и Янейской волостей земли помещикам Тевкелевым, к медеплавильному Варзино-Алексеевскому заводу и в казну, в данной земскому суду 19 августа 1837 г. подписке отзывался, что это решение канцелярии является неправильным. Изъявляя на это решение суда неудовольствие, в подписке он обещал «не оставит за башкирами просит об этом в Межевом департаменте Сената». Однако Попов вместо того, чтобы доводить дело до пересмотра, пропустил положенный на это годовой срок, а составленную башкирами апелляционную жалобу отправил не в Межевой департамент, как бы следовало, а в 4-й, которая и получена уже по прошествии того срока, т.е. 22 августа 1838 г.[6]

Для достижения пересмотра дела Попов встретил надобность в деньгах на гербовую бумагу, пошлины и на отправление жалобы.

Поэтому он 21 и 30 июля 1838 г. обращался с требованиями о взыскании их (денег) с башкир к начальнику 11-го башкирского кантона. Деньги к нему были доставлены дважды – 2 августа – 25 руб. И столько же 5 августа. Несмотря на то, что он получил деньги, жалоба не была переписана. К тому же жалоба при отправлении по ошибке («произошедшей от краткости времени и торопливости») была адресована не в межевой, а в другой департамент[7].

Из доставленного военному губернатору командующим Башкирским и Мещерякским войском сведения видно, что стряпчий Попов, оправдывающийся медлительностью начальника 11-го башкирского кантона в доставлении к нему на отправление жалобы денег, приступил к исполнению требования башкир спустя 10 месяцев после выслушания решения. Притом требование денег с башкир было сделано им в противность данной стряпчим инструкции. 21-й пункт положения о стряпчих в приказе по Башкирскому, Мещерякскому и Тептярскому войскам под строгою ответственностью запрещал требовать и получать с башкирских и мещерякских обществ денег на расходы по делам и общественным искам[8].

Таким образом, военным губернатором был сделан вывод, что допущенный титулярным советником Поповым пропуск установленного годового срока на принесение апелляционной жалобы произошел или от нерадения его, или же от намеренного умысла «из предосудительных видов», дабы вместо вверенной ему защиты башкирской собственности несоблюдением порядка благоприятствовать противной стороне выиграть дело.

В итоге Перовский сделал распоряжение об удалении Попова, как явно неблагонамеренного, от должности, с объяснением при выдаче ему документов о службе причин, по которым последовало это увольнение. Кроме того, он предложил губернскому правлению распорядиться о предании Попова за незаконные поступки суду уголовной палаты. Губернское правление «за прописанные поступки» титулярного советника Попова предало суду уголовной палаты и «сделало все это дело известным по губернии»[9].

По инициативе военного губернатора в 1835 г. было проведено исследование о причинах смертности башкир в лазарете 6-го линейного Оренбургского батальона. Сюда поступали башкиры из Таналыкской и Уртазымской дистанций. Оказалось, что смертность произошла «от нерадения отрядных начальников Оренбургского казачьего войска»[10].

В приказе по Отдельному оренбургскому корпусу военного губернатора от 27 ноября 1835 г. говорится, что начальники Оренбургского казачьего войска не имели попечения о вверенных им башкирских командах, обременяли их работами более, нежели казаков Оренбургского войска, и заболевающих направляли в лазарет слишком поздно. Ими не было обращено должного внимания на сбережение здоровья вверенных им нижних чинов[11].

За такие беспорядки Перовский объявил строгий выговор войсковому старшине Лобову, а отрядных начальников 2-й дистанции Оренбургского казачьего войска зауряд-хорунжих Седякина, Угрюмова, Долматова, Антонова, зауряд-сотника Богданова и урядника Патрушева предписал арестовать на две недели[12].

Несмотря на то, что это наказание за смертность людей было не таким уж строгим, подобные предписания и приказы способствовали недопущению такого рода беспорядков.

Кроме того, Перовский старался развивать исторически сложившиеся в башкирском народе навыки пчеловодов, охотников, коневодов и воинов. Именно при нем, как уже было сказано, башкирских мальчиков посылали в Москву, в Петербург и в другие города для обучения различным ремеслам. В 1835–1840 гг. большими усилиями военного губернатора 300 башкирских ребят были отправлены в различные города России для обучения.

В результате, после возвращения этих ребят в Башкирии был построен конный завод, расширялась добыча полезных ископаемых, устраивались образцовые пасеки[13].

Народ платил губернатору добрым отношением. Один из сыновей генерал-майора Циолковского Н.С. Циолковский писал об этом так: «Граф Перовский пользовался в Башкирии громадным почетом и уважением, он в глазах башкирцев был вторым лицом после Магомета; имя его произносилось с глубоким благоговением и умилением; рассказы о нем переполняли Башкирию»[14]. Конечно, автор этих строк, будучи дворянином, не смог видеть в то время многие отрицательные стороны деятельности Перовского.

В письме В.А. Перовского Денису Давыдову (поэту, герою Отечественной войны 1812 г.) от 21 июня 1836 г. Перовский, несмотря на свои дружеские отношения с адресатом, решительно требует от него соблюдения справедливости по отношению к башкирам при заключении сделок с ними. Жена Дениса Давыдова в то время владела имениями в Оренбургской губернии. Здесь Перовский пишет о неодобрении сделки Давыдова с башкирами, которые договорились продать 150 дес. лесу за 900 руб. «Сознайтесь, – пишет военный губернатор, – это через меру дешево, и что я был бы плохой опекун моих недорослей, если бы одобрил такую для них разорительную сделку». В результате сделка не состоялась. Здесь же Василий Алексеевич призывает героя бережливо относиться к башкирским лесам[15].

В условиях, когда башкиры постоянно несли военную пограничную службу, привлекались для участия в различных военных походах, нужен был специальный большой дом для временного устройства формирующихся в г. Оренбурге башкирских команд. Вот эту объективную необходимость и осуществил В.А. Перовский. 20 апреля 1836 г. он обратился к начальникам башкирских и мишарских кантонов: «Намерен я приступить, как скоро откроется к тому возможность и отысканы будут средства, к построению общественного Башкирского постоялого двора или караван-сарая»[16]. Надобность строительства такого здания, по мнению генерала, вызвана необходимостью: предоставления приезжающим в город башкирам и мишарам удобного пристанища «без всякой платы», обеспечения благоустроенным помещением башкирского войска и его начальства с необходимыми надворными постройками; возможностью организации школы, где было бы обучение различным ремеслам. И наконец, «воздвинуть тут же Войсковую Соборную каменную мечеть, дабы дать приезжающим сюда мусульманам все средства к точному соблюдению и исполнению обрядов их исповедания»[17].

Как видно, Караван-Сарай нужен был не только для сбора военных отрядов. Он должен был стать центром просвещения и духовного развития башкир, мишарей и тептярей.

В.А. Перовский призывал башкирское и мишарское население сделать добровольные пожертвования. При этом он оперативно начал действовать и поручил мулле Абдулле Давлетшину объехать все башкирские и мишарские кантоны, со «сборной шнуровой книгой» для сбора и записи добровольных взносов. Мулла с честью выполнил поручения, побывал почти во всех кантонах, кроме некоторых деревень Пермской губернии. Основное пожертвование – 804 тыс. рублей – было сделано башкирами за очень короткий срок[18]. Последний факт лишний раз свидетельствует о том, что строительство Караван-Сарая оказалось давно назревшим вопросом. Башкиры и мишари охотно поддержали предложение губернатора.

Как уже было сказано, при Караван-Сарае следовало иметь также войсковую мечеть. Таким образом, этот комплекс должен был служить не только простым пристанищем для башкир и мещеряков, но и местом, где укреплялись бы связи с Башкирией. С одной стороны, это говорит о том, что правительство хотело учитывать духовные потребности здешних мусульман. С другой стороны, в те годы правительство стремилось привлечь на сторону России народы Средней Азии, исповедующие ислам. Это в большой степени стимулировалось необходимостью противостоять стремлению Великобритании проникнуть в этот район. Одной из мер привлечения среднеазиатских народов было проявление заботы о своих подданных мусульманах[19].

Сначала проект Караван-Сарая был заказан архитектору Казанского университета М. Коринфскому. Однако данные сведения о работе Коринфского не удовлетворили Перовского, и аналогичная просьба была послана архитектору А.П. Брюллову, другу В.А. Перовского.

А.П. Брюллов выполнил просьбу друга. Проект был завершен вовремя, и В.А. Перовский, приехав в Петербург, предоставил его императору, который утвердил его 19 января 1837 г.

Вся работа по строительству Караван-Сарая, изготовление и подвоз строительных материалов, сама постройка была сделана башкирами. Сохранились сведения, что только в июле-сентябре 1838 г. на строительстве работали 988 человек конных башкир и 630 человек пеших, в мае-июне – соответственно 1084 и 420, в июле-октябре – 2789 и 1275. Плата составляла конным 25 коп. и пешим 15 коп. в сутки на одного работающего[10].

Работа по постройке Караван-Сарая была завершена в 1844 г. Его официальное открытие состоялось 30 августа 1846 г. На торжества собрались

башкиры со всех уголков Башкирии. Был устроен большой праздник, состоялись скачки. Было организовано угощение. В первую пятницу в мечети состоялись молитвы. В Караван-Сарае помещались учреждения по управлению башкирами, а также были организованы и школа для башкир, и постоялый двор для приезжающих.

Как видно, многие мероприятия В.А. Перовского отвечали интересам башкир. Но предпринимались меры, которые ограничивали права башкир, препятствовали местному самоуправлению. Например, в циркулярном предписании от июля 1833 г. В.А. Перовский предписывает земскому суду объявить о воспрещении собраний (зиинов)[21]. Свое решение Перовский мотивировал тем, что «собравшиеся для празднества башкирцы, мещеряки и другие поселяне магометанского закона, упившись горячих напитков, производят разные неистовства, драки, грабежи и насилие». Еще 28 февраля 1828 г. повелено было уничтожить всякие народные сборища. Три года спустя – 14 ноября 1831 г. – было предписано всем начальникам кантонов башкирского и мещерякского войска объявить и наблюдать, «дабы впредь не были допущены собрания, так называемые зиины»[22].

Однако народ, несмотря на этот указ, продолжал собираться в собрания. 8 июня 1842 г. последовало еще одно предписание о запрете всякого рода собраний[23].

Таким образом, В.А. Перовский, как и другие начальники края, стремился покончить с башкирским самоуправлением. Йыйыны (съезды) являлись не только праздниками, где происходили скачки, национальная борьба и другие виды состязаний, но и собраниями для решения дел. Йыйыны служили единственным местом для неофициальных встреч представителей родов (волостей).

В начале своего второго губернаторства Перовский башкир «нашел бедными, почти обнищавшими сравнительно с тем положением, в котором они были в 30-х гг.»[24]. За десять лет губернаторства В.А. Обручева (в 1842–1851 гг.) в крае все изменилось к худшему. Обручев совершенно не умел обращаться с башкирами, часто менял попечителей и стряпчих в башкирских кантонах, не поладил с начальником штаба и правителем канцелярии, резко усилилась колониальная политика царского правительства. Хищническая вырубка леса, запрещение башкирам кочевать, попытка отобрать их земли в пользу казны вновь привели к недовольству в башкирских кантонах.

В целях облегчения положения народа после кокандского похода Перовский обратился царю с просьбой предоставить льготы для служилых

башкир[25]. Это были такие льготы, как отмена наряда башкир для перевозки грузов с Оренбургской линии на Сыр-Дарью, отпуск до 70 тыс. руб. на довольствие башкир во время нахождения на службе и в пособие на снаряжение, уменьшение на 20 коп. сер. с души земского сбора, производившегося с башкир на общем основании с другими поселянами, создание для башкир школ, постоянных больниц, каменных зданий для кантонных управлений[26].

Просьба генерала-губернатора была удовлетворена, из всех этих мер полезнее всего оказалась отмена перевозки транспортов в степь. Построена была больница в д. Исянгулово. Здесь лечились башкиры и мишары, которые служили в находившемся там конном заводе. В нее же посылались хронические больные из деревень[27].

По мнению Чернова, следуя раз намеченному взгляду на башкир, граф Перовский в каждом представлявшемся случае желал доказать на самом деле справедливость своего мнения об их особенной способности и боевых качествах. Так, с возникновением в 1853 г. русско-турецкой (Крымской) войны, когда из Петербурга были потребованы по два полка казаков из Оренбургского и Уральского войск на театр военных действий, Перовский предложил послать полки из башкир, выставляя их нисколько не уступающими оренбургским казакам. За этим последовало Высочайшее повеление о формировании четырех конных полков под начальством полковых командиров из штаб-офицеров, а сотенных из обер-офицеров регулярной кавалерии[28].

Эти четыре башкирских полка были направлены в Прибалтику. Часть башкирских войск участвовала в отбитии английского десанта около Ревеля. В Крым башкирские войска не стали отправлять, так как правительство Николая I опасалось последствий соприкосновения «единоверцев» – башкир и турок[29].

Таким образом, политика, проводимая военным и генерал-губернатором Перовским носила государственный характер, и многие ее моменты удовлетворяли интересам башкир. Предоставленные льготы для служилых башкир, особенно выгодная отмена перевозки транспортов в степь, были очень полезными и встречены населением с радостью.

Основные моменты политики Перовского в отношении башкир были направлены на улучшение экономического положения народа, на защиту их вотчинных угодьев от промышленников и на укрепление башкирского войска.

В то же время Василий Алексеевич оставался проводником царской политики в Оренбуржье. Им же жестоко подавлялись антиправительствен-

ные выступления в крае. В период его губернаторства установились военно-феодальные порядки.

Примечания

[1] ПСЗ РИ. II. Т. IX. Отд. первое. № 6947. С. 251.
[2] Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярах и бобылях: сборник документов и материалов. Уфа, 1999. С. 289.
[3] ПСЗ РИ. Т. XII. Отд. первое. № 10281. С. 342.
[4] Акъюлов, А.С. Политика губернатора В.А. Перовского по отношению к башкирам // Информационные технологии в исторических исследованиях. Уфа, 2000. С. 3–4.
[5] Распоряжения губернского начальства // Оренбургские губернские ведомости. 8 мая 1839. № 17.
[6] Распоряжения губернского начальства // Оренбургские губернские ведомости. 8 мая 1839. № 17.
[7] Там же.
[8] ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3819а. Л. 107.
[9] Распоряжения губернского начальства // Оренбургские губернские ведомости. №17. 8 мая 1839 г.
[10] ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 102. Л. 24.
[11] Там же.
[12] ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 102. Л. 24.
[13] Оренбургский губернатор В.А. Перовский. Документы. Письма. Воспоминания. Оренбург, 1999. С. 180.
[14] ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3151. Л. 84.
[15] Оренбургский губернатор В.А. Перовский. Документы. Письма. Воспоминания. Оренбург, 1999. С.180.
[16] Караван-Сарай: сб. док. и мат. / под ред. Р.З. Янгузина. Уфа, 1996. С. 106.
[17] Янгузин, Р.З. Караван-Сараю 150 лет // Ватандаш. 1996. № 2.
[18] Там же.
[19] Дорофеев, В.В. Символ города // Караван-Сарай: сб. док. и мат. Уфа, 1996. С. 62.
[20] Янгузин, Р.З. Караван-Сараю 150 лет // Ватандаш. 1996. № 2.
[21] ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10798/3. Л.12.
[22] ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5059. Л. 10
[23] Там же.
[24] Чернов, И.В. Записки генерал-майора И.В. Чернова // Труды Оренбургской уч. арх. ком. Оренбург, 1907. С. 139.
[25] Чернов, И.В. Указ. соч. С. 145.
[26] Там же.
[27] Чернов, И.В. Указ. соч. С. 145.
[28] Там же. С. 147.
[29] Асфандияров, А.З. Участие башкир в войнах и походах России в период кантонного управления // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 89.